

А.Л. Лукьянова

НИУ «Высшая школа экономики», Москва

Снижение неравенства в оплате труда в России: динамика и ключевые факторы (2005–2023 гг.)¹

Аннотация. В статье рассматривается снижение неравенства в оплате труда в России в 2000–2020-е годы. Индекс Джини для заработных плат сократился почти на 40% – с 0,48 до 0,30. Используя данные двух обследований населения, мы прослеживаем динамику неравенства за 2005–2023 гг. и выделяем основные факторы, способствовавшие его снижению. Эконометрический анализ строится на декомпозиции RIF-функций. Ключевое влияние на компрессию заработных плат оказывало снижение отдачи от характеристик, а изменения в составе занятых на протяжении большей части периода – за исключением 2020-х годов – действовали в направлении усиления неравенства. Среди основных причин снижения неравенства обсуждаются: повышение МРОТ, рост доли работников с высшим образованием на фоне сокращения образовательных премий, демографические сдвиги, конвергенция регионов, рост заработных плат сельских жителей, изменение отраслевой структуры и межотраслевых различий в заработной плате. Отмечается существенное отличие периода после 2018–2019 гг. от более ранних периодов как с точки зрения замедления темпов, так и с точки зрения механизмов сокращения неравенства.

Ключевые слова: *неравенство в оплате труда, RIF-регрессии, РМЭЗ.*

Классификация JEL: D31, J21, J31.

Для цитирования: Лукьянова А.Л. (2024). Снижение неравенства в оплате труда в России: динамика и ключевые факторы (2005–2023 гг.) // *Журнал Новой экономической ассоциации.* № 4 (65). С. 267–275.

DOI: 10.31737/22212264_2024_4_267-275

EDN: ICXGFB

Введение

За время реформ мы привыкли думать о России как о стране с экстремально высоким уровнем неравенства заработных плат. На самом деле Россия являлась таковой на рубеже 1990–2000-х годов, но сейчас ее можно уверенно отнести к странам с умеренным уровнем неравенства. Снижение неравенства идет вразрез с тенденциями его роста в развитых странах, однако схожие процессы наблюдались в Латинской Америке, особенно в тех странах, которые – как и Россия – являются экспортерами сырьевых товаров (Messina, Silva, 2021).

На рис. 1 показана динамика индекса Джини на основе различных источников (см. вставку об источниках данных). Все источники сходятся на том, что неравенство в заработных платах достигло пика в начале 2000-х годов и стало быстро снижаться в годы экономического роста. Снижение неравенства продолжалось по крайней мере до 2010 г. После этого, согласно апрельскому обследованию, оно почти прекратилось, и индекс Джини остался на уровне 40 пунктов. Согласно РМЭЗ и ВНДН, компрессия заработных плат

замедлилась, но не столь значительно, и к началу 2020-х годов Джини достиг 30 пунктов.

Источники данных

Оценки неравенств в оплате труда по открытым источникам данных могут быть сделаны на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» НИУ ВШЭ (РМЭЗ) и двух обследований, проводимых Росстатом: «Выборочного обследования о распределении работников организаций по размерам начисленной заработной платы» за апрель (апрельское обследование) и «Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах» (ВНДН). РМЭЗ и ВНДН проводятся ежегодно: РМЭЗ – начиная с 1994 г., ВНДН – с 2011 г. Оба обследования имеют схожий охват: выборка включает частные домохозяйства, внутри которых опрашиваются все взрослые члены, но выборка ВНДН значительно больше по размеру. В ВНДН задаются вопросы об общей сумме заработков за весь предшествующий год, в РМЭЗ – о заработной плате за последние 30 дней и о средней заработной плате. Апрельское обследование охватывает только круп-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

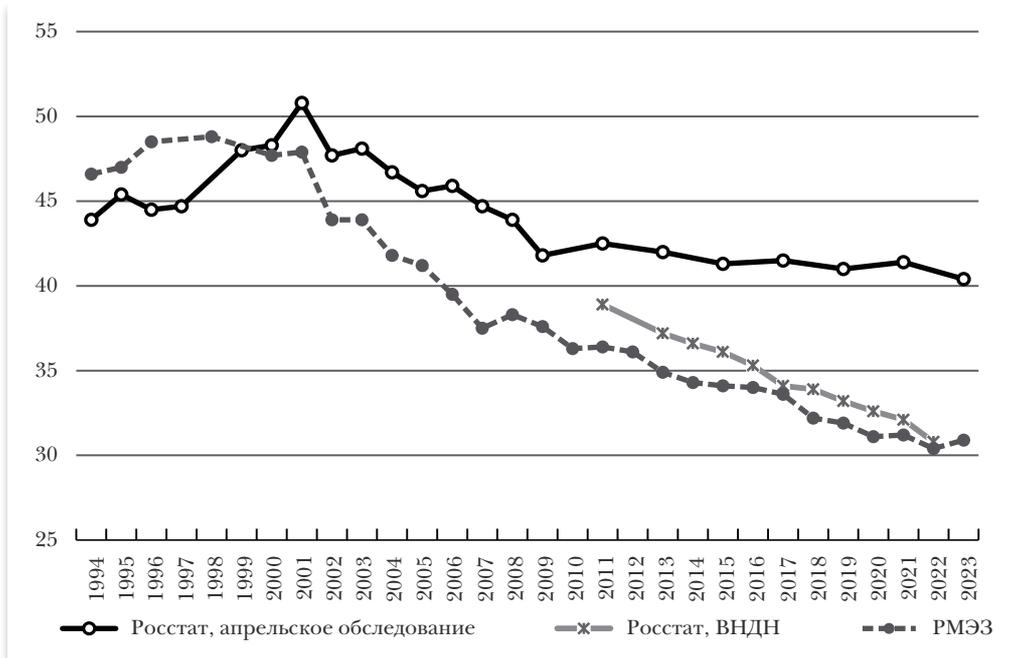

Рис. 1.

Динамика индекса Джини ($\times 100$) для заработных плат

Источники: апрельское обследование – оценки Росстата; ВДН – расчеты автора, показатель – заработная плата по основному месту работы за весь год; РМЭЗ – расчеты автора, показатель – заработная плата за последние 30 дней по основному месту работы. В ВДН и РМЭЗ исключены по 0,25% наблюдений с самыми низкими и самыми высокими значениями.

ные и средние организации. Отобранные организации заполняют формы, указывая данные о численности работников, попадающих в заданные интервалы заработных плат. На основе полученных данных и моделирования Росстат рассчитывает официальные оценки неравенства в оплате труда.

Факторы, влияющие на неравенство в оплате труда

В этом разделе мы обобщим исследования, которые анализировали факторы, влияющие на неравенство в 2000–2010-е годы. Эти факторы можно разделить на несколько групп: 1) человеческий капитал; 2) демография; 3) спрос на рабочую силу; 4) география; 5) институты рынка труда.

Снижение неравенства не имело единственной причины, но в качестве основной движущей силы многие исследователи выделяют вклад институциональных переменных. Повышение МРОТ (Lukiyanova, 2011; Calvo, Lopez-Calva, Posadas, 2015) и устранение массовых задержек выплат заработной платы (Вишневская и др., 2021)

способствовали росту доходов низкооплачиваемых работников и более равномерному распределению заработков.

Человеческий капитал обычно рассматривается с точки зрения формального образования и общего трудового стажа. Образование оказывает влияние на неравенство через повышение уровня образования и изменение отдачи от образования. Ключевым фактором здесь является соотношение спроса и предложения образованных кадров. Эмпирические оценки динамики образовательных премий зависят от используемых источников данных (Капелюшников, 2021). Все декомпозиции неравенства основывались на данных РМЭЗ, и они указывают на то что образование было значимым фактором снижения неравенства (Calvo, Lopez-Calva, Posadas, 2015). Учитывая расхождения в оценках динамики отдачи от образования, необходимо проверить эти результаты на других данных.

Отдачи от стажа оставались крайне низкими после начала рыночных реформ, что стало следствием обвального обесценивания человеческого капитала, накопленного при плановой эко-

номике (Gimpelson, Chernina, 2023). В выигрыше оказались более молодые когорты с образованием, отвечающим современным требованиям, но по мере ухода с рынка труда дореформенных когорт можно ожидать восстановление нормальной связи между стажем и заработной платой с пиком за 10–15 лет до выхода на пенсию.

На стороне спроса на труд исследователи выделяют отраслевые факторы и развитие малого бизнеса. К началу 2000-х годов еще продолжалась реструктуризация отраслей, вызванная переходом к рыночной экономике. Сырьевой бум и связанный с ним экономический рост дали новый толчок этим процессам, что привело к изменениям в отраслевых и региональных премиях. Увеличение доли занятых на малых предприятиях не способствовало росту неравенства, поскольку было скомпенсировано изменениями в отдалах: заработные платы в малом бизнесе подтягивались к уровню более крупных предприятий (Calvo, Lopez-Calva, Posadas, 2015).

Специфические для переходной экономики факторы спроса на труд включают сокращение занятости в государственном секторе и рост неформальной занятости. Межсекторный разрыв сократился в 2010-е годы, но не исчез полностью. Мы ожидаем снижения влияния занятости в государственном секторе на неравенство. Из-за неоднородности занятости неформальные работники шире представлены в обоих хвостах распределения, поэтому неформальная занятость обычно усиливает поляризацию заработков (Lukiyanova, 2015). Неформальность также может оказывать косвенное влияние на неравенство, например, смягчая воздействие таких институциональных факторов, как повышение МРОТ.

Демографические сдвиги явным образом выразились главным образом в изменении возрастной структуры. В отношении других демографических переменных основную роль играли отдала: гендерный разрыв в оплате труда, возрастная дискриминация (при этом значительная часть связанных с возрастом различий уже учитывается в переменной трудового стажа), межрегиональные и межпоселенческие разрывы. Постепенная конвергенция регионов, снижение разрыва между сельскими и городскими жителями оказывали выравнивающее влияние на распределение заработных плат (Calvo, Lopez-Calva, Posadas, 2015).

Описание выборки и используемых переменных

Для анализа используются данные РМЭЗ (2005–2023 гг.) и ВНДН (2011–2022 гг.). По данным

РМЭЗ декомпозиции строились для всего периода и для трех подпериодов: 2005–2010, 2010–2019, 2019–2023 гг. В ВНДН выделялось два подпериода: 2011–2018 и 2018–2022 гг. Из-за ограничений объема статьи используется только один показатель — индекс Джини.

В этой статье мы фокусируемся на работах с тесной привязкой к рынку труда. В РМЭЗ выборка ограничена индивидами в возрасте 18–64 лет, занятыми по найму на основной работе и отработавшие в последнем месяце не менее 140 часов. В ВНДН выборка также ограничена по возрасту и статусу в занятости, но без использования критерия полной занятости. В РМЭЗ мы рассматриваем заработки только по основному месту работы и исключаем доходы от вторичной занятости и подработки. В ВНДН использовались данные обо всех доходах от занятости по найму. Заработные платы дефлировались по отношению к 2005 г. Для устранения влияния выбросов было удалено по 0,25% самых высоких и самых низких значений для каждого раунда. Для контроля институциональных факторов — по аналогии с (Calvo, Lopez-Calva, Posadas, 2015) — в анализ вводится дамми-переменная для индивидов, чьи заработки ниже порога за вычетом НДФЛ в 105% МРОТ. МРОТ определялся с учетом районных коэффициентов для 2005 и 2018–2023 гг., когда их использование являлось обязательным.

Описательные статистики для отдельных лет представлены в Приложении в табл. А1. В ВНДН респонденты старше, образованнее и чаще проживают в городах. Расхождения есть и по неформальной занятости. Учитывая, что РМЭЗ ближе к обследованиям рабочей силы, динамику неформальной занятости в ВНДН следует списать на особенности пилотного обследования в 2011 г.

Методология и результаты

Эконометрический анализ базируется на декомпозиции RIF-функций (Fortin, Lemieux, Firpo, 2011). Эта методология является расширением подхода Оаксаки–Блайндера, изначально разработанного для анализа различий в средних заработных платах, и позволяет применять его для других параметров распределения. С этой целью по каждому наблюдению рассчитываются значения RIF-функций для соответствующего параметра и над расчетными переменными проводится декомпозиция Оаксаки–Блайндера. Для получения робастных результатов рекомендуется использовать метод с перевзвешиванием (Barsky et al., 2002).

Референтной группой в РМЭЗ являются городские мужчины, имеющие высшее образование

и стаж работы 10–19 лет, занятые в частном секторе на формальной основе на крупном предприятии в обрабатывающей промышленности и проживающие в СЗФО. С учетом того, что неравенство снижалось, целесообразно выбирать группу работников с высокими заработными платами. Выбор референтной группы может сказаться на оценках детализированных эффектов отдачи, но не влияет ни на общие оценки эффектов, ни на оценки детализированных эффектов состава.

Результаты оценивания представлены в Приложении в табл. А2. Решающую роль в снижении неравенства в заработных платах играли изменения в отдалах. Изменения в составе занятых имели небольшое значение и вплоть до 2018–2019 гг. действовали в направлении *увеличения* неравенства. Только в последнем периоде изменения в составе стали способствовать снижению неравенства.

Наши результаты подтверждают выводы о роли институциональных факторов: политика МРОТ вносила значимый вклад в снижение неравенства, хотя и не самый важный с точки зрения динамики Джини, особенностью которого является низкая чувствительность к изменениям в хвостах распределения. К тому же МРОТ работает, только если он соблюдается, а мы видим, что повышения МРОТ сопровождался ростом доли работников с зарплатами ниже МРОТ (эффект несоблюдения), что снижало его выравнивающее воздействие. Об этом свидетельствуют положительные коэффициенты при переменной МРОТ в эффекте состава. При этом эффект отдачи от МРОТ – стабильно отрицательный, указывая на то, что повышения МРОТ все же помогали увеличивать зарплатки низкооплачиваемых работников. Однозначно выравнивающую роль (как в ВНДН, так и в РМЭЗ) МРОТ играл лишь в последнем периоде. Возможно, растущий дефицит кадров оказывал дисциплинирующее воздействие на политику предприятий в области заработных плат. ВНДН лучше фиксирует эффект МРОТ. В РМЭЗ прямое воздействие МРОТ не фиксируется для 2005–2019 гг. (доминировал эффект несоблюдения), однако МРОТ мог воздействовать косвенно – через изменения отдачи от других характеристик.

Как отмечалось ранее, изменения в составе занятых толкали неравенство в сторону увеличения. В ВНДН благодаря большой выборке можно понять, какие факторы имели наибольший вклад: изменения в отраслевой и образовательной структуре. Их воздействие сказалось в первом периоде, но и во втором периоде не произошло отката. За эти годы увеличилась доля отраслей с высокими зарплатами (финансы, деловые услуги, прочие

услуги) и доля работников с высшим образованием. В РМЭЗ откат в последнем периоде все-таки фиксируется: он формируется под воздействием снижения доли занятых в добывающих отраслях, чего нельзя увидеть в ВНДН, где добыча объединена с переработкой.

Рост неравенства при росте образованности относится к парадоксам прогресса: с ростом образованности все больше работников смещаются в категорию с более высокими отдалами от образования, поэтому неравенство увеличивается. Еще один фактор человеческого капитала способствовал росту неравенства в рамках эффекта состава, причем как в первом, так и во втором периодах. И это – изменения в возрастной структуре. РМЭЗ подтверждает этот результат, фиксируя значимый положительный эффект состава для опыта работы в 2010–2019 гг. Неравенство увеличивалось за счет снижения численности молодежных когорт, которые имеют меньший стаж и более низкие заработные платы. Одновременно увеличивалась численность когорт среднего возраста, которые находятся на пике своей производительности и имеют максимальные зарплатки.

Изменения в составе занятых, которые способствовали увеличению неравенства, были нейтрализованы противоположными изменениями в отдалах от характеристик. ВНДН и РМЭЗ расходятся в том, что было драйвером снижения неравенства на стороне отдачи. Данные РМЭЗ указывают на особый вклад снижения образовательных премий. Оценки ВНДН в отношении образования не противоречат оценкам РМЭЗ, но в ВНДН находятся факторы с более сильным влиянием отдачи на неравенство. В ВНДН мы также видим, что снижение образовательных премий имело значимое влияние на снижение Джини в 2011–2018 гг. (но это было обусловлено ростом относительных премий за СПО). В последнем периоде ВНДН также фиксирует прекращение снижения образовательных премий. В результате в целом за 2011–2022 гг. выравнивающий вклад образования значим лишь на 10%-ном уровне.

Второй по значимости причиной на стороне отдачи в РМЭЗ являлся поселенческий фактор, который также способствовал снижению неравенства за счет более быстрого повышения зарплаток сельских жителей и за счет снижения преимуществ столичных жителей. Наиболее сильное выравнивающее воздействие этот фактор оказывал в 2010–2019 гг. В ВНДН мы не видим значимого воздействия поселенческого фактора, что может быть связано с более дробной кодировкой населенных пунктов, которая размывает поселенческие эффекты. В ВНДН ключевым фактором географии

выступает регион (именно сюда уходит эффект столиц, отмеченный в РМЭЗ). Дополнительную роль могло сыграть и то обстоятельство, что в 2011 г. ВНДН проводилось в пилотном режиме и не во всех регионах. Изменение территориального дизайна выборки с 2013 г. могло повлиять на распределение географических эффектов между перенными поселения и региона.

В ВНДН на стороне отдач мы видим еще два важных фактора – отраслевые премии и гендерный разрыв в оплате труда. Траектория движения отраслевых премий была направлена на снижение неравенства. Выравнивающий эффект наблюдался в оба периода, но статистически значима оценка только для последнего периода. Решающую роль сыграл рост заработных плат в отраслях с низкими заработными платами: в сельском хозяйстве и торговле. Гендерный разрыв заметно сократился в 2011–2018 гг., но эффект был в значительной мере отыгран в 2018–2022 гг., поэтому в целом за период мы имеем нейтральный вклад гендерного разрыва в изменение неравенства.

Заключение

После скачка, связанного с переходом к рыночной экономике, Россия вступила в длительный период снижения неравенства в оплате труда. В этой статье мы сопоставляем оценки по данным из двух источников: РМЭЗ и ВНДН. Для понимания того, как менялось влияние различных факторов, мы выделяем три периода: вторая половина 2000-х, 2010-е и 2020-е годы. Наш анализ показывает,

что последний период имеет заметные отличия от двух предшествующих, и эти различия касаются не только замедления темпов, но самой механики снижения неравенства.

Во-первых, изменилась роль структурных факторов, связанных со сдвигами в составе занятых. Если до 2018–2019 гг. баланс структурных факторов складывался в пользу *увеличения* неравенства, то в последние годы он действует в сторону *снижения* неравенства. В сторону увеличения неравенства на стороне состава занятых ранее работали факторы человеческого капитала (за счет роста доли занятых с высшим образованием и снижения притока молодежи в занятость) и факторы спроса (за счет увеличения доли занятых в отраслях с относительно высокими заработными платами). В последнем периоде сохраняют воздействие только демографические сдвиги.

Во-вторых, в последние годы важные изменения произошли и на стороне отдач, которые на всем протяжении рассматриваемого периода, и особенно в 2010-е годы, были основной движущей силой снижения неравенства. До последнего времени на стороне отдач наибольший вклад в снижение неравенства вносили факторы образования и географии – через снижение отдачи от образования, конвергенцию регионов и ускоренный рост заработных плат сельских жителей. Поддерживающую роль играли снижение гендерного разрыва и снижение отраслевых премий. В последнем периоде отдачи от образования и опыта работы растут, гендерный разрыв рас-

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица А1.

Дескриптивные статистики

Переменная	РМЭЗ		ВНДН	
	2005 г.	2023 г.	2011 г.	2022 г.
Доля мужчин, %	51,8	51,2	47,6	51,0
Средний возраст, лет	38,8	41,7	40,5	42,6
Образование:				
ниже среднего, %	8,4	7,8	2,6	1,7
среднее, %	40,7	29,4	15,5	7,4
СПО и НПО, %	27,5	27,7	42,2	42,6
высшее, %	23,4	35,2	39,8	48,3

Окончание таблицы А1.

Переменная	РМЭЗ		ВНДН	
	2005 г.	2023 г.	2011 г.	2022 г.
Потенциальный стаж, лет:				
0–9	22,2	13,9		
10–19	24,6	27,8		
20–29	29,7	28,3		
30+	23,5	30,1		
Размер предприятия, человек:				
малые (1–99)	35,0	44,2		
средние (100–499)	18,7	11,9		
крупные (500+)	13,6	9,0		
нет данных	32,6	34,9		
Отрасль:				
сельское хозяйство	5,9	4,1	4,5	3,7
добыча	3,1	1,9	21,0	23,1
обработка	25,0	22,5		
строительство	9,4	6,8	8,4	7,3
торговля, общественное питание	17,1	23,3	25,4	24,0
транспорт и связь	11,3	9,5		
государственное управление	6,8	7,3	9,9	4,8
образование, культура	11,2	10,2	8,7	10,0
здравоохранение	7,8	8,1	8,1	8,4
финансы, деловые услуги	2,0	4,9	10,3	12,6
Прочие услуги:			3,7	5,0
прочие отрасли	0,6	1,5	0,2	1,1
государственный сектор, %	38,4	30,6		
на предприятиях с иностранным капиталом, %	4,1	1,7		
неформальная занятость, %	10,1	5,5	5,4	10,2
Тип поселения, %:				
Москва и СПб	15,1	11,7		
город	61,5	62,3	77,9	78,1
село и ПГТ	23,5	26,1	22,1	21,9
ниже МРОТ, %	0,6	3,0	6,0	4,3
средняя заработная плата, руб. 2005 г.	6585	10708	11311	12744
индекс Джини (×100)	38,2	28,2	39,4	31,1
Число наблюдений	2417	3307	10930*	49641

Примечание. Символами «*» отмечены в 2011 г. ВНДН проводилось в пилотном порядке.

Таблица А2.
Декомпозиция изменений индекса Джини

Переменная	РМЭЗ						ВНДН					
	2005–2023	2005–2010	2010–2019	2019–2023	2011–2022	2011–2018	2018–2022					
Джини в конце периода	28,33 (0,39)	34,80 (0,36)	29,97 (0,38)	28,33 (0,36)	31,10 (0,08)	35,25 (0,11)	31,10 (0,11)					
Джини в начале периода	38,38 (0,59)	38,38 (0,59)	34,80 (0,36)	29,97 (0,37)	39,36 (0,22)	39,36 (0,25)	35,25 (0,11)					
Изменение Джини	-10,05 (0,67)	-3,58 (0,62)	-4,82 (0,51)	-1,65 (0,40)	-8,26 (0,24)	-4,11 (0,26)	-4,15 (0,14)					
Общий эффект состава	1,52 (0,75)	1,16 (0,49)	1,15 (0,28)	-0,93 (0,21)	0,24 (0,21)	1,14 (0,24)	-0,71 (0,08)					
Чистый эффект состава	1,57 (0,66)	1,32 (0,54)	1,24 (0,27)	-0,89 (0,20)	0,33 (0,20)	1,23 (0,23)	-0,71 (0,08)					
Ошибка спецификации	-0,05 (0,32)	-0,16 (0,14)	-0,09 (0,06)	-0,05 (0,03)	-0,09 (0,05)	-0,09 (0,05)	0,00 (0,00)					
Общий эффект отдач	-11,57 (1,00)	-6,06 (0,76)	-5,75 (0,50)	-0,71 (0,41)	-8,50 (0,26)	-5,25 (0,31)	-3,44 (0,12)					
Ошибка перевзвешивания	0,32 (0,27)	0,24 (0,23)	0,02 (0,07)	0,03 (0,02)	-0,10 (0,08)	-0,13 (0,13)	-0,02 (0,01)					
Чистый эффект отдач	-11,90 (0,93)	-6,29 (0,79)	-5,77 (0,51)	-0,75 (0,41)	-8,40 (0,25)	-5,12 (0,30)	-3,43 (0,12)					
Чистый эффект состава: детализация												
Пол	0,00 (0,00)	0,02 (0,00)	0,02 (0,00)	0,01 (-0,03)	0,02 (0,01)	0,01 (0,01)	0,01 (0,01)					
Образование	0,08 (0,21)	-0,02 (0,10)	0,10 (0,05)	0,08 (0,05)	0,23 (0,04)	0,21 (0,03)	-0,03 (0,01)					
Стаж	-0,04 (0,14)	0,06 (0,10)	0,23 (0,07)	0,06 (0,04)								
Возраст					0,19 (0,06)	0,13 (0,05)	0,11 (0,01)					
Размер предприятия	0,09 (0,16)	0,06 (0,08)	0,01 (0,03)	-0,04 (0,06)								
Отрасль	0,54 (0,42)	0,49 (0,53)	0,01 (0,14)	-0,28 (0,11)	0,27 (0,06)	0,25 (0,05)	0,00 (0,01)					
Неформальная занятость	0,10 (0,08)	-0,05 (0,05)	-0,15 (0,07)	0,01 (0,01)	0,09 (0,05)	0,17 (0,07)	0,01 (0,01)					
Госсектор	0,14 (0,10)	0,06 (0,04)	0,06 (0,05)	-0,01 (0,02)								
Иностранная собственность	-0,20 (0,14)	-0,07 (0,06)	-0,02 (0,04)	-0,06 (0,06)								
Тип поселения	-0,02 (0,12)	-0,03 (0,14)	0,16 (0,10)	0,00 (0,04)	0,11 (0,09)	0,11 (0,09)	-0,01 (0,02)					
Регион	0,16 (0,14)	0,13 (0,09)	-0,10 (0,05)	-0,04 (0,04)	0,05 (0,04)	0,03 (0,04)	0,04 (0,01)					
Ниже МРОТ	0,72 (0,23)	0,71 (0,16)	0,93 (0,15)	-0,58 (0,13)	-0,62 (0,14)	0,33 (0,17)	-0,85 (0,07)					

Окончание таблицы А2

Переменная	РМЭЗ						ВНДП					
	2005–2023	2005–2010	2010–2019	2019–2023	2011–2022	2011–2018	2018–2022					
Пол	-0,53 (1,01)	0,73 (0,90)	-0,82 (0,70)	-0,30 (0,53)	-0,52 (0,36)	-1,91 (0,36)	1,27 (0,15)					
Образование	-3,83 (1,38)	-2,26 (1,47)	-2,52 (0,89)	0,97 (0,68)	-0,65 (0,38)	-1,34 (0,46)	0,75 (0,17)					
Стаж	-1,77 (1,40)	-0,54 (1,55)	0,15 (0,97)	-0,23 (0,92)								
Возраст					0,55 (0,51)	-1,12 (0,53)	1,50 (0,19)					
Размер предприятия	2,44 (3,62)	2,33 (2,50)	-2,15 (2,32)	0,94 (1,93)								
Отрасль	-1,68 (1,67)	-1,39 (1,32)	0,27 (1,00)	0,47 (1,01)	-1,64 (0,55)	-0,66 (0,55)	-0,80 (0,28)					
Неформальная занятость	0,10 (0,17)	0,71 (0,32)	-0,30 (0,10)	0,08 (0,08)	-0,16 (0,13)	-0,36 (0,14)	0,13 (0,04)					
Государственный сектор	0,55 (0,61)	0,49 (0,50)	0,09 (0,47)	0,40 (0,43)								
Иностранная собственность	-0,06 (0,10)	0,15 (0,18)	-0,16 (0,18)	-0,07 (0,07)								
Тип поселения	-1,93 (0,75)	-0,36 (0,69)	-1,40 (0,48)	-0,78 (0,40)	1,49 (1,49)	2,28 (1,46)	-0,48 (0,41)					
Регион	3,25 (4,01)	2,63 (2,81)	-1,51 (2,05)	-0,32 (1,52)	-3,08 (0,79)	-2,02 (0,76)	-1,13 (0,36)					
Ниже МРОТ	-0,41 (0,13)	-0,25 (0,07)	-0,27 (0,06)	0,03 (0,04)	-0,18 (0,04)	-0,16 (0,06)	-0,08 (0,02)					
Константа	-8,03 (5,31)	-6,97 (4,62)	2,64 (3,84)	-1,94 (2,79)	-4,20 (1,78)	0,17 (1,84)	-4,59 (0,68)					

Чистый эффект отдачи: детализация

Примечание. В скобках указаны стандартные ошибки. Полулириным шрифтом выделены коэффициенты, значимые на 5%, курсивом — на 10%. Расчеты выполнены с использованием выборочных весов. Стандартные ошибки рассчитаны методом бутстрапа. В РМЭЗ стандартные ошибки кластеризовались на индивидуальном уровне. Для оценивания использовался пакет oaxaca_rif (Rios-Avila 2020).

ширяется, влияние территориальных факторов ослабляется; усиление выравнивающего эффекта наблюдалось лишь на стороне отраслевых премий (за счет роста относительных заработных плат в промышленности).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Вишневская Н.Т., Зудина А.А., Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л., Ощепков А.Ю., Шарунина А.В.** (2021). *Неравенство в оплате труда: динамика, основные факторы, региональные различия, влияние институтов рынка труда*. М.: НИУ ВШЭ. [Vishnevskaya N.T., Zudina A.A., Kapeliushnikov R.I., Lukyanova A.L., Oshchepkov A.Yu., Sharunina A.V. (2021). *Wage inequality: Dynamics, main factors, regional differences, impact of labor market institutions*. Moscow: HSE University (in Russian).]
- Капелюшников Р.И.** (2021). Отдача от образования в России: ниже некуда? // *Вопросы экономики*. № 8. С. 37–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68 [Kapeliushnikov R.I. (2021). Returns to education in Russia: Nowhere below? *Voprosy Ekonomiki*, 8, 37–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68 (in Russian).]
- Barsky R., Bound J., Charles K., Lupton J.** (2002). Accounting for the black-white wealth gap: A nonparametric approach. *Journal of the American Statistical Association*, 97, 663–673.
- Calvo P., Lopez-Calva L., Posadas J.** (2015). A decade of declining earnings inequality in the Russian Federation. *World Bank Working Paper WPS7392*. Available at: <https://hdl.handle.net/10986/22435>
- Fortin N., Lemieux T., Firpo S.** (2011). Decomposition methods in economics. In: *Handbook of Labor Economics*, 4. Amsterdam: Elsevier
- Gimpelson V., Chernina E.** (2023). Do wages grow with experience? Deciphering the Russian puzzle. *Journal of Comparative Economics*, 51, 545–563. DOI: 10.1016/j.jce.2023.01.005
- Lukiyanova A.** (2011). Effects of minimum wages on the Russian wage distribution. *HSE preprint WP BRP 09/EC/2011*. DOI: 10.2139/ssrn.2002938
- Lukiyanova A.** (2015). Earnings inequality and informal employment in Russia. *Economics of Transition*, 23, 469–515. DOI: 10.1111/ecot.12069
- Messina J., Silva J.** (2021). Twenty years of wage inequality in Latin America. *World Bank Economic Review*, 35, 117–147. DOI: 10.1093/wber/lhz029
- Rios-Avila F.** (2020). Recentered influence functions (RIFs) in Stata: RIF regression and RIF decomposition. *Stata Journal*, 20, 51–94. DOI: 10.1177/1536867X20909690

Поступила в редакцию 07.11.2024

Received 07.11.2024

A.L. Lukyanova

HSE University, Moscow, Russia

Decreasing earnings inequality in Russia: Trends and drivers from 2005 to 2023²

Abstract. The paper examines the decline in earnings inequality in Russia since the early 2000s. The Gini index for earnings fell by nearly 40%, from 0.48 to 0.30. Using the data from two household surveys, we document the trends in inequality between 2005 and 2023 and identify potential drivers behind the trends. Econometric analysis employs RIF-based decompositions. My findings indicate that wage structure effects were the primary contributors to earnings compression, while composition effects – except in the 2020s – tended to exacerbate inequality. The paper highlights the most relevant explanations of changes in earnings inequality, including rising minimum wages, educational upgrading accompanied by declining returns to education, demographic shifts, regional convergence, narrowing rural – urban gaps, changes in industrial structure and industry premiums. Importantly, there was a notable distinction between the period following 2018–2019 and earlier years both in terms of the slowdown in inequality reduction and the mechanisms driving this reduction.

Keywords: *earnings inequality, RIF-regressions, decomposition, RLMS, Russia.*

JEL Classification: D31, J21, J31.

For reference: **Lukyanova A.L.** (2024). Decreasing earnings inequality in Russia: Trends and drivers from 2005 to 2023. *Journal of the New Economic Association*, 4 (65), 267–275 (in Russian).

DOI: 10.31737/22212264_2024_4_267-275

EDN: ICXGFB

² The paper was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).